

Когда въ 89 году, какъ и теперь, на нездоровыхъ верхахъ страны, зацвѣлъ ядовитымъ цветомъ антисемицизмъ, и грозилъ тучей новыхъ репрессий цѣлой народности,—въ обществѣ заговорили и среди лучшихъ людей возникла мысль о гласномъ протестѣ.

Помню, Диллонъ прислалъ тогда Толстому для подписи текстъ составленного въ сильныхъ выраженіяхъ протеста, который долженъ былъ быть опубликованъ въ русской и иностранной печати.

Левъ Николаевичъ въ волненіи и полный негодованія противъ гонителей, подписалъ протестъ и долго и горячо говорилъ о безуміи и ужасахъ юдофобства.

— Мнѣ очень трудно—сказалъ онъ—представить себѣ состояніе души людей, одержимыхъ этимъ безуміемъ. Я никогда за собою не помню такихъ чувствъ и не наблюдалъ ихъ въ народѣ; но вдумываясь поглубже, я все яснѣе и яснѣе вижу, что юдофобство, не мнѣніе, не политическое убѣжденіе, не партійный взглядъ, а болѣзненное состояніе, дикая страсть, и страсть ближе всего подходящая къ области половыхъ низменныхъ страстей, съ особымъ извращеннымъ оттенкомъ.

Есть люди,—и въ особенности это поражаетъ среди спившихся и потерявшихъ стыдъ площадныхъ женщинъ, которые безъ удержу и до пѣны у рта, ругаются скверными словами и грязной руганью и въ алогей безумія, когда онъ доходятъ уже до полнаго забвенія, онъ, обнажая срамоту свою бросаютъ ее въ лицо людямъ, какъ верхъ гадости; и дѣйствительно, трудно придумать что нибудь болѣе гадкое.

Такая гадливая срамота обнажается и одержими